

Козаков М

1984

КОЗОВСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
М. Москва

19 ОКТ 1984

ЕГО признали и полюбили сразу. Никому не известный студент театрального вуза сразу приобрел имя и стал популярным, словно мастер, проживший в искусстве не один десяток лет.

Козакову повезло: первым его учителем в кино стал выдающийся советский кинорежиссер Михаил Ильич Ромм, чьи картины «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Девять дней одного года», «Обыкновенный фашизм» и другие известны во всем мире.

Многие годы Козаков работал под руководством Олега Николаевича Ефремова, прошел блистательную школу советского реалистического театра. Когда он играл в «Современнике», уже одно появление его имени на афише очередного спектакля вызвало интерес зрителей. Я помню, как в те годы, узнав, что в спектакле играет Козаков, непременно покупал на этот спектакль билет. Я еще не знал, что он будет играть, но обязательно хотел посмотреть. Он... понимаете... притягивал к себе! Это было непонятно: играет Козаков — значит надо, непременно надо смотреть. Всегда было радостное ожидание неожиданности, очень точно подмеченного и смело, ярко обозначенного явления. Козаков очень точно понимал, чувствовал, про что надо играть...

Впрочем, почему я обо всем гозорю в прошедшем времени? Козаков и сейчас столь же ярко и энергично высказывается в искусстве, столь же страстный и активный художник, боец. По-прежнему каждое его выступление (в кино ли, на телевидении, в концерте), каждый его фильм вызывают интерес. По-прежнему Михаил Козаков — один из популярнейших в народе актеров.

Вспоминаю первый фильм с его участием — «Убийство на улице Данте» (к слову сказать, это был и мой первый в жизни фильм, в нем я впервые же встретился с Михаилом Михайловичем на съемочной площадке; а познакомились мы с ним много раньше в школе-студии МХАТ), и первую его работу на профессиональной сцене (Гамлет в театре имени Маяковского), о которой, как и его первой кинороли, много и охотно писали, называя Гамлета-Козакова событием в театральной жизни. Вспоминаю его совершенно блистательные работы в «Современнике», в театре на Малой Бронной, где он начал и режиссировать, и целый ряд новых ролей в кино, после которых уже невозможно было представить себе отечественный кинематограф без Козакова.

Я сказал, что в театре «Современник» он прекрасно играл одну роль за другой, а Михаил Михайлович признавался позже, что дебют его в «Современнике» был провалом — «вышел под аплодисменты и ушел под стук собственных каблуков...» И еще не раз и более резко отзывался актер о некоторых своих работах. Но всегда искал причины неудач в себе самом, не жалуясь на драматургию, режиссуру или партнеров.

Козаков всегда был и остается честным человеком в искусстве и жизни.

Не каждый актер может назвать среди имен работавших с ним режиссеров такие, как Охлопков, Раевский, Станицын, Ефремов, Эфрос, Волчек — в театре, Ромм, Рошаль, Столпер, Конрад, Вольф (ГДР), Быков, Квихинидзе — в кино... А какие

партнеры у него были! Штраух, Турчинова, Плятт, Пельцер, Ульянов, Яковлев, Банионис, Нифонтова...

Не каждый актер может представить послужной список, в котором были бы такие совершенно различные роли, как Гамлет и Шарль Гранде, Сирано и Николай I («Декабристы» Зорина), Он («Четвертый» Симонова) и Адуев-старший (за эту роль в инсценировке «Обыкновенной истории» Гончарова тридцатитрехлетний актер был удостоен Государственной премии СССР), Сильвио («Выстрел» Пушкина) и Бессонов

Он и сейчас сохранил многие из этих примет молодости, но стал чуть более ироничным, более терпеливо слушает собеседника, реже улыбается... Но вдруг, почувствовав нечто, чему надо без промедления возразить, взрывается с прежней, такой хорошо знакомой его друзьям истовостью, что просто диву даешься, как сумел он сохранить в себе эту истовость, пройдя в жизни и в искусстве нелегкий путь труженика.

Я поступал в школу-студию МХАТ, и после одного из испытательных туров ко

его личности, его человеческой сути — яркой, неординарной, неповторимой.

...Он не мог не прийти в искусство. И не только потому, что еще школьником увлекся театром, стал актером и главным режиссером школьного драмкружка, где переиграл множество ролей. И не только потому, что его увлечение укрепили занятия художественным словом в Ленинградском Дворце пионеров, где он встретился и познакомился со своими сверстниками — школьниками Таней Дорониной (позже он поступит на один с ней курс школы-студии МХАТ) и Сережей Юрским.

Нет, его приход в театр, вообще в искусство, был, видимо, предreshen той атмосферой Прекрасного и Возвышенного, в которой прошло его детство. Актер Михаил Козаков — сын известного советского писателя Михаила Козакова, автора романа «Девять точек», «Крушение империи», множества пьес и рассказов. В старом ленинградском доме, где жил будущий актер, жили Шишкова и Саянов, Форш и Зоценко, всемирно известный ученый-литературовед Эйхенбаум и прекрасный советский драматург-сказочник Шварц. Мальчиком Козаков слушал первую читку «Обыкновенного чуда», рассказы Шкловского и Эйхенбаума о Толстом, Лермонтове... В квартире своего отца он слушал Андроникова, Ахматову. Двенадцатилетним увидел в своем доме Василия Ивановича Качалова и слушал (правда, притаившись за дверью, так как было поздно и родители отправили его спать) в исполнении великого артиста стихи Блока и Есенина... Однажды, приехав с отцом в подмосковный поселок Переделкино, он впервые увидел и услышал Пастернака, Чуковского, Арагона, Триоле... Он вбирал в свою юную восприимчивую душу прекрасное начало человеческой культуры, человеческих отношений, что позже, через годы, и определило его собственное кредо в искусстве, помогло понять и воспринять искусство как категорию нравственную, эстетическую, способную преобразить внутренний мир человека, вообще — человеческую жизнь.

СКОЛЬКО же им сыграно, поставлено, прочитано с концертной площадкой! Сколько же им сделано удивительно прекрасного в искусстве!.. Но я совершенно убежден в том, что свое лучшее Михаил Козаков еще создаст! Сегодня он находится в том расцвете творческого вдохновения, когда способен на высшее достижение.

В искусстве он мыслит поэтически, не признавая, ненавидя ту полупраздну, которой часто прикрываются лицемеры или люди, пришедшие в искусство для себя.

Козаков пришел в искусство создавать. Не взять что-либо себе, но отдать избранному им делу свой талант, посвятить ему прекрасные порывы своей души. Он трагит себя в искусстве, тратит, не думая о том, что «ничто на земле не проходит бесследно».

Он живет той беспокойной жизнью подлинного художника, которая — и только она — может принести людям настоящее эстетическое наслаждение.

Я от всей души поздравляю своего коллегу и друга.

Валентин ГАФТ:

МОНОЛОГ О КОЗАКОВЕ

Замечательному советскому актеру и режиссеру, народному артисту РСФСР, лауреату Государственной премии СССР Михаилу Михайловичу КОЗАКОВУ сегодня исполняется 50 лет.

По просьбе «МК» журналист Леонид Днепровский встретился с народным артистом РСФСР Валентином Гафтом и попросил его поделиться размышлениями о творчестве юбиляра

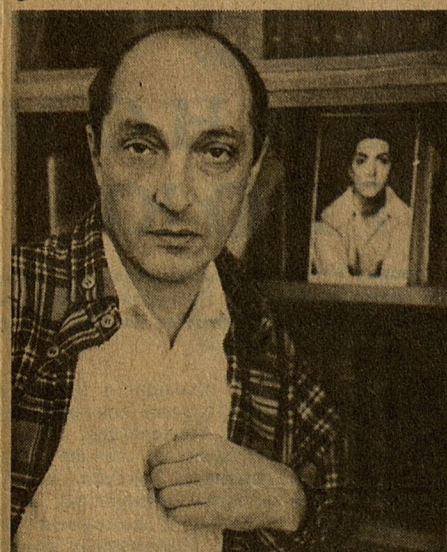
(«Хождение по мукам» А. Н. Толстого)...

Не каждый актер может сказать, что читал на сцене произведения такого количества классиков и современных поэтов: Пушкина, Лермонтова, Державина, Тютчева, Пастернака, Блока, Цветаевой, Тарковского, Самойлова, Вознесенского, Левитанского... Он не просто читал, но создавал и продолжает создавать блистательные литературные композиции, подлинные поэтические сюжеты. Он до сих пор юношески влюблен в поэзию, с той, однако, разницей, что сегодня он Творец в этой своей влюбленности. Он изучает поэзию, как историк, литературовед. Я знаю, что его литературоведческие поиски ложатся на бумагу в виде интереснейших размышлений о поэзии, литературе вообще.

Мы как-то привыкли: Козаков сыграл в театре одну роль, в кино — другую, на телевидении — третью, на радио — четвертую... Мы привыкли: выступил с поэтической программой, составленной из произведений нескольких авторов... Вдруг в разговоре с ним обнаруживаем, что он блистательный знаток русской и мировой классики, современной литературы, живописи, музыки... В титрах фильма или телеспектакля видим: режиссер Козаков, чаще — и сценарист.

Для нас все это — «вдруг». А для него? Это, верно, годы и годы постижений, мучительных раздумий, поисков, осмысления каких-то глубинных процессов в жизни, искусстве. Он узнал и понял в искусстве много больше, чем иные из его ровесников-коллег.

КОГДА думаю о том, что ему исполнилось пятьдесят, то почему-то невольно вспоминаю Козакова... молодым, неправдоподобно красивым, шумным, с легкими, изящными движениями (он до сих пор блистательно пластичен!), каким-то очаровательно наивным. И всегда — исключительно органичным в проявлении своих чувств, эмоций.

мне подошли двое незнакомых парней. Это были уже перешедшие на второй курс студенты Миша Козаков и Игорь Кваша. Миша как-то радостно и по-доброму сказал, что «болеет» за меня, что у меня все в порядке. Сейчас я, естественно, не помню уже точно, что он продолжал говорить, но запомнил одно — его доброту.

И эта прекрасная черта его характера сохранилась в Козакове. Слава и популярность не сделали его надменным и самоуверенным, что нередко случается с иными из моих коллег.

Да, по натуре своей Козаков был и остается бойцом. Он с истовостью убежденного в своей правоте человека отстаивает собственные позиции, право заниматься любимым делом. Он, случается, резок, беспощадно ироничен в споре, но именно в том, как он ироничен, как он резок, проявляется поразительное обаяние